

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 605 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: 2001. – 223 с.
3. Довлатов, С.Д. Компромисс / С.Д. Довлатов. – сбор. соч. в 4 т. СПб: Азбука, 2016. Т. 1. С. 255–458.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. – 943 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва: Издательство «Наука», 1973. – 366 с.

Н.Б. Бугакова

Воронежский государственный технический университет
e-mail: ya_witch@mail.ru

УДК 801.3=82(045/046):26

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Ключевые слова: *А. Платонов, модель ономастического творчества, некоторые термины родства, «Чевенгур».*

Статья посвящена изучению функционирования терминов родства в художественном пространстве произведений Андрея Платонова. Внимание сосредоточено на особенностях использования этих терминов в качестве элементов ономастической системы автора, раскрывающих глубинные смыслы и взаимосвязи персонажей. Исследуется, как через термины родства А. Платонов создает уникальные образы, отражает социальные и культурные реалии своего времени, передает философско-этические концепции. В работе анализируется ключевое произведение писателя – роман «Чевенгур». Исследование позволяет выявить специфику применения родственных обозначений в рамках творческого метода писателя.

N.B. Bugakova

Voronezh State Technical University

ABOUT SOME TERMS OF KINSHIP IN A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"

Key words: *A. Platonov, model of onomastic creativity, some kinship terms, "Chevengur".*

The article is devoted to the study of the functioning of kinship terms in the artistic space of Andrei Platonov's works. Attention is focused on the peculiarities of using these terms as elements of the author's onomastic system, revealing the deep meanings and interrelationships of the characters. The article explores how A. Platonov creates unique images through the terms of kinship, reflects the social and cultural realities of his time, and conveys philosophical and ethical concepts. The paper analyzes the key work of the writer – the novel "Chevengur". The study allows us to identify the specifics of the use of related designations within the framework of the creative method of the writer.

А. Платонов, один из выдающихся русских писателей XX века, известен уникальным стилем и философской глубиной произведений. Исследователи творчества писателя отмечали, что оригинальность его произведений «ярче всего проявляется в языковом исполнении, в знаменитом платоновском стиле, которому невозможно найти аналог в русской литературе» [4, с. 13]. Эта гипотеза основывалась на мнении о том, что «в духе общей тенденции платоновские вещи наполнены разноязыким говором революционной эпохи, революционной фразой и политическими лозунгами, новыми штампами, диалектными словами, нередко придающими речи персонажей комический эффект» [4, с. 13]. Создание такого языка способствует, по нашему мнению, выражению авторской позиции, а следовательно, отражению картины мира писателя. Однако отметим, что самым важным писатель считал порождение смысла, на что обращает внимание В.В. Буйлов: «платоновский языковой дискурс характеризуется наличием многих косвенных смыслов» [1, с. 566].

В художественных произведениях писателя часто затрагиваются темы одиночества, поиска смысла жизни и борьбы человека с окружающей действительностью. В этой связи одной из характерных черт модели ономастического творчества А. Платонова является активное использование терминов родства, которые выходят за рамки простого обозначения семейных связей и становятся важными символическими элементами (об этом см. подробнее [2]).

Предлагаемое исследование выполнено в традициях Воронежской ономастической школы и посвящено выявлению функций терминов родства в модели ономастического творчества А. Платонова. Объектом исследования являются термины родства, используемые вместо имени собственного, в романе А. Платонова «Чевенгур» в их взаимодействии с другими разноуровневыми единицами текста. Отметим, что анализ апеллятивно-онимного единства способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора.

Рассматриваемый роман – одно из наиболее значимых произведений А. Платонова. В нем автор исследует тему утопического общества, где люди

пытаются построить новый мир на основе равенства и братства. Однако эта попытка оказывается неудачной, поскольку идеалы сталкиваются с реальностью человеческих слабостей и противоречий. Одним из способов выражения этой идеи становится использование терминов родства. Персонажи романа часто используют термины родства, замещая ими обращение по имени: «Паровоз никакой пылинки не любит: машина, брат, это барышня» [6, с. 9] – сообщает один из героев романа, употребляя лексику *брат* по отношению к человеку, не находящемуся в кровном родстве с героем. Также вместо обращения по имени может быть использована диминутивная форма рассматриваемой лексики: «Бобыль замирал от удивления: – Могучее дело. Куда ж тут, братцы, до всего дознаться!» [6, с. 4]. Употребление лексики *братцы* демонстрирует удивление и некоторое смирение персонажа перед сложностью мира, а также подчеркивает простоту и непосредственность героя, его народность. Отметим, что в русской культуре обращение *братцы* имеет глубокие корни и ассоциируется с традициями взаимопомощи, коллективизма и уважения к старшим или более опытным людям.

Отметим, что диминутив *братцы* не используется писателем в качестве обозначения родственных связей. Так, Прохор Абрамович, сообщая маленькому Саше Дванову о рождении еще двоих детей в семье, говорит: «Два братца тебе родилось» [6, с. 13]. Известно, что Саша в семье приемный, поэтому родившиеся дети, не будучи ему кровными родственниками, именуются братцами. Для обозначения кровного родства писатель вводит лексику *брат*, употреблённую в форме множественного числа: «Я вам сколько раз наказывала раньше приходить! – закричала Варя на братьев. – У, идола крошечные! Сейчас же снимайте одежду – негде ее брать!» [6, с. 49].

Напротив, термин родства *сестра* используется для демонстрации как кровного, так и духовного родства: сестра – Варька, являющаяся кровной сестрой своим братьям, приучающая их «к твердой справедливости» [6, с. 49]; сестра – Фекла Степановна, которая «защитила Дванова тем, то приучила его к своей простоте женщины, точно она была сестрой скончавшейся матери Дванова, которой он не помнил и не мог любить» [6, с. 64]; сестрой называет Дванов свою возлюбленную Соню Мандрову. Полагаем, этот термин символизирует общую судьбу, которую разделяют герои. Такое употребление рассматриваемых терминов показывает, что истинное единство людей заключается не в биологической связи, а в духовной близости и взаимопонимании.

Термин родства *сестра* используется писателем не только по отношению к людям. Так, автор называет сестрой земли луну: «под луною молча спал человек; свет солнца, озарявший издали ночную сестру земли, имел в себе мутное, горячее и живое вещество, но до луны этот свет доходил уже процеженным сквозь мертвую долготу пространства» [6, с. 188]. В данном случае при помощи термина родства *сестра* автор вводит в текст романа мифопоэтическую оппозицию земля/небо (об этом см. подробнее [1; 5]).

Примечательно употребление писателем термина *братство*: один из героев романа, вспоминая, чего он «только не пил», говорит, что ничего из выпитого «души не радуется», кроме водки, которая «санитарно готовилась, стерва! Прозрачна, чисто воздух Божий – ни соринки, ни запаха, как женская слеза. ... Хватишь сотку – сразу тебе кажется и равенство, и братство» [6, с. 59]. В речи персонажа получает переосмысление популярный лозунг «Свобода, равенство и братство» (*Liberté, égalité, fraternité*), бывший символом Французской революции конца XVIII века и отражавший основные идеалы революционеров, стремившихся к упразднению монархии и установлению республиканского строя. Позднее этот лозунг стал популярен во многих странах и движениях, стремящихся к социальным изменениям и справедливости, в том числе и в СССР. Таким образом, использование термина родства *братство* в рассматриваемом примере обозначает, очевидно, не кровную связь между людьми, а духовное единение, единомыслие, стремление к общей цели. Кроме того, употребление этого термина направлено на воссоздание исторического хронотопа, так как погружает читателя в создаваемый писателем мир образов, в описываемую им реальность.

Термины родства *мама* и *papa* вводятся в текст произведения в формах *мать* и *отец*: «За гробом отца мальчик шел без горя и пристойно» [6, с. 8]; «Кто получил себе мать или дочь, тот редко выходил из жилища и старался трудиться под одной крышей с родственницей, заготавливая неизвестные вещи» [6, с. 225]. Отметим, что употребление этих терминов в рассматриваемых примерах позволяет предполагать, что герои не испытывают глубоких родственных чувств; мальчик Саша Дванов хоронит отца, а не папу, и за гробом идет «без горя». Жители Чевенгура могут «получить» мать или дочь; очевидно, кровное родство необязательно для чевенгурцев. Подтверждение этой гипотезе находим в тексте: вводя термины родства *отец* и *сын*, автор сообщает: «сын и отец были связаны нисколько не чувством, а имуществом» [6, с. 189].

Употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* осуществляется по отношению к незнакомым людям. Персонажи обращаются к этим лексемам, заменяя ими антропонимы: «Живой еще, дедушка? – сказал сторожу Захар Павлович» [6, с. 8]; «Старушка подошла к приказчику и протянула ему карточку, зашитую на прорехах суровыми нитками. – Не надо, бабушка, так отпустим, – заявил приказчик» [6, с. 97]. Такие обращения обусловлены традициями русского языка и культуры: зачастую термины родства *бабушка* и *дедушка* используются не только для обозначения кровных родственников, но и в качестве уважительного обращения к пожилым женщинам и мужчинам. В рассматриваемых примерах герои создают атмосферу заботы о персонажах, по отношению к которым употребляются термины родства. Кроме того, предположим, что употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* по отношению к незнакомым людям иллюстрирует тезис о том, что в Чевенгуре всё общее; эта концепция была центральной в марксистско-ленинской

идеологии, лежащей в основе Советского Союза. Отметим, что автор вводит в текст дериваты рассматриваемых терминов родства, например, притяжательное прилагательное *бабушкин*: «всадник въехал в церковь с удивлением возвращенного детства, словно он очутился на родине в бабушкином чулане» [6, с. 119]. Очевидно, что воспоминания о бабушкином чулане связаны с воспоминаниями о детстве, а образ бабушки ассоциируется с заботой, любовью и поддержкой. Символично сравнение церкви и чулана: они представляют собой противоположные пространства – общественное и священное и личное и интимное, и такое их сочетание в тексте создает ощущение пересечения разных миров, сложного переплетения символов.

В качестве замены антропонимов используются термины родства *дядя* и *тетя*, однако отметим принципиальное, на наш взгляд, отличие. *Дядя* вводится писателем в текст произведения либо в диминутивной форме («Ты, дядюшка, напрасно тона не оглашай» [6, с. 7]), либо в стяженной («Дядь, дай копейку, – сказал он» [6, с. 23]), в то время как *тетя* используется только в пейоративной форме («А чего тетки плачут?» [6, с. 6]; «тетка Марья ходила порожняя» [6, с. 12]).

Отметим также одного из центральных персонажей романа – Захара Павловича, который называет всех жителей Чевенгура своими «детьми», не являясь, очевидно, их биологическим отцом. Термин *дети*, используемый героем, отражает его заботу и ответственность за сообщество. Захар Павлович стремится создать условия, в которых каждый человек будет чувствовать себя частью большой семьи, но его усилия оказываются тщетными из-за внутренней разобщенности и эгоизма людей.

Анализ семантики терминов родства в романе позволяет говорить о духовной близости героев: термины родства символизируют не только биологические связи, но и эмоциональную и духовную привязанность персонажей, общность их целей и переживаний. Кроме того, использование терминов родства связано с идеей построения справедливого общества, основанного на принципах равенства и взаимопомощи; в некоторых случаях термины родства призваны продемонстрировать разрушение традиционных семейных структур. Это отражает изменения, происходящие в обществе после революции, когда старые ценности уступают место новым.

Завершая анализ, отметим: исследование терминов родства в творчестве А. Платонова позволяет сделать вывод о том, что они играют важную роль в передаче философских и социальных идей автора. Через символы семейных связей автор выражает свои размышления о природе человека, обществе и духовности. Термины родства, являясь ключевыми для понимания текста, становятся средством выражения стремления к единству и гармонии, которое остается недостижимым в реальной жизни. Кроме того, термины родства, заменяя имя собственное, способствуют воссозданию исторического хронотопа, отражая социальный контекст эпохи, в которую жил и творил писатель.

Литература

1. Бугакова, Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова / Н.Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 3(46). – С. 32–37.
2. Бугакова, Н.Б. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» / Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 199–205.
3. Буйлов, В.В. Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства / В.В. Буйлов // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – № 28. – С. 565–577.
4. Матвеева, И.И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова / И.И. Матвеева // Русская речь. – 2001. – №4. – С. 12–17.
5. Скуридина, С.А., Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев / С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова, Е.О. Кузьминых // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 21–34.

Источники

6. Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. – Т. 2. – М.: «Информпечать», 1998. – 236 с.

С.Ф. Бут-Гусаім

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

e-mail: svfbg@tut.by

УДК 808.26 – 541.2

АНАМАСТЫЧНАЯ ПРАСТОРА ЗБОРНИКА МІКАЛАЯ ПАШКЕВІЧА “У РОДНЫМ СЛОВЕ АДГУКАЕЦЦА ДУША”

Ключевые слова: *оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя, прозвище, топоним.*

В статье рассмотрены национально-культурные особенности поэтонимов сборника Николая Пашкевича «В родном слове отзывается душа». Описаны формы личных собственных имен – репрезентантов коннотаций эмоциональности, экспрессивности, оценочности и национально-культурной специфики. Рассмотрены образно-изобразительные особенности прозвищ – выразителей информации о присущих белорусскому этносу этических и эстетических нормах. Описана прагматическая значимость топонимов, которые концентрируют набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической и коннотативной информации и поэтому участвуют в формировании хронотопа произведения.